

российских сотрудников органов предварительного расследования. Особенно затруднительным видится реализация данного положения в сельской местности. Так, по уголовному делу № 120***874 обвиняемый гражданин Республики Азербайджан Р. подал ходатайство о предоставлении ему переводчика в связи с невладением русским языком. Следователь ходатайство удовлетворил, однако фактическая его реализация была осуществлена на 10-е сутки, в связи с поиском переводчика с азербайджанского языка [5].

Выходом из положения видится создание российского института судебного (присяжного) переводчика. Данный институт существовал во времена Российской империи [4, л. 104] и раннего СССР [4, л. 107]. Функционирует он и в нынешнее время в рамках уголовного судопроизводства отдельных стран (Эстонии, Польши, США и др.). С 2015 г. на базе Нижегородского регионального отделения Союза переводчиков России ведется работа по созданию и законодательному утверждению Положения о судебном переводчике в России [6]. Внедрение указанного положения в практику деятельности органов уголовной юстиции России позволило бы решить целый комплекс вопросов, возникающих в связи с необходимостью обеспечения участия переводчика в расследовании по уголовным делам. Полагаем, в Беларуси также назрела необходимость создания аналогичного профессионально-юридического сообщества переводчиков, благодаря функционированию которого будут реально обеспечиваться нормы ст. 21, 201 и 300 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Жданова, Я.В. Язык уголовного судопроизводства в РФ: теория и практика / Я.В. Жданова // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова ; Рос. фонд фундамент. исслед. – 2017. – С. 77–81.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.Н. Мухаметшина на нарушение его конституционных прав ч. 2, 3 ст. 18 УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июня 2006 г. № 219-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.В. Череповского на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 18 УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июня 2006 г. № 243-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гуськова, А.В. Функция переводчика в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Гуськова. – Нижний Новгород, 2018. – 336 л.
5. Материалы уголовного дела № 120***874 ОМВД России по Давлекановскому району Республики Башкортостан.

6. Официальный сайт Союза переводчиков России [Электронный ресурс]. – URL: <http://translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator> (дата обращения: 26.02.2021).

УДК 343.296

Н.В. Кривощёков

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА

Традиционно сложившаяся модель российского уголовного процесса имеет ярко выраженный публичный характер, поскольку уголовное судопроизводство осуществляется от имени государства и направлено на предотвращение, пресечение и раскрытие общественно опасных деяний – преступлений. Следует отметить, что защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений выделена в качестве первоочередного в назначении уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Основные интересы потерпевшего в уголовном процессе заключаются в обеспечении доступа этого участника к правосудию, а также восстановлении его нарушенных преступлением прав. Правовые механизмы реализации указанных интересов проработаны в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности, обязанность обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, на досудебном производстве закреплена за властным субъектом, ведущим уголовный процесс, что вытекает из положений ст. 42, 11 и 160.1 УПК РФ. При этом задействуются предусмотренные законом полномочия следователя (дознателя), и восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего «переходит» из категории частного (так как затрагивает только данного участника уголовного процесса) интереса в область публичных отношений. Кроме того, п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ определяет характер и размер ущерба, причиненного преступлением, в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что в контексте изложенного выше возлагает на следователя (дознателя) обязанности не только по установлению данного обстоятельства, но и по обеспечению возмещения причиненного вреда.

Отмеченное справедливо для классической формы возмещения вреда, причиненного преступлением, – гражданского иска в уголовном процессе, когда после возникновения отношений по гражданскому иску

в форме заявления потерпевшим требования о возмещении причиненного преступным деянием вреда появляется комплекс обязанностей следователя (дознателя) по принятию данных требований, признанию лица гражданским истцом, определению размера причиненного ущерба, установлению лица, подлежащего привлечению к участию в производстве по уголовному делу в качестве гражданского ответчика, принятию мер по обеспечению исковых требований и т. д.

Аналогичную картину можно наблюдать и в случае применения уголовно-процессуальной реституции, когда властный субъект решает судьбу обнаруженного и изъятого имущества согласно п. «б» ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

В каждом из указанных случаев механизм реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, в той или иной степени регламентирован УПК РФ. В законе определены обязанности властного субъекта, алгоритм их реализации, процессуальные документы, которые следует составить следователю (дознателю).

Иная картина наблюдается при реализации такой формы возмещения причиненного преступлением вреда, как добровольное возмещение. Данная форма заключается в устранении разрушений, выплате денежной компенсации, предоставлении имущества или прав на него, принесении извинений и других возможных способах. Наряду с понятием «добровольное возмещение вреда» в законе (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ) применяется также термин «заглаживание причиненного вреда». На наш взгляд, данные понятия синонимичны, так как отражают деятельность обвиняемого (подозреваемого) или иных лиц, заинтересованных в восстановлении нарушенных преступлением прав потерпевшего, по устранению наступивших в результате преступления негативных последствий для принадлежащих потерпевшему охраняемых законом благ. Очень важным является тот факт, что добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, выступает юридическим фактом, влекущим ряд правовых последствий. В частности, согласно п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ заглаживание вреда относится к смягчающим вину обстоятельствам; ст. 75 и 76 УК РФ устанавливают заглаживание вреда в качестве обязательного элемента основания прекращения уголовного преследования по ст. 25 и 28.1 УПК РФ.

Характерным здесь является то, что установленные законом последствия возмещения вреда – смягчение наказания, прекращение уголовного преследования – касаются лишь положения обвиняемого (подозреваемого), но не потерпевшего. Законодательная регламентация процедуры добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, также

отсутствует, что позволяет говорить об отсутствии контроля со стороны властного субъекта, ведущего процесс, за этим комплексом значимых для уголовного дела мероприятий. На практике это ведет к появлению ситуаций, когда при рассмотрении действий по возмещению вреда на первое место выходит сама направленность действий обвиняемого (подозреваемого) как важное обстоятельство раскаяния виновного в совершенном преступлении, мнение же потерпевшего какого-либо значения не имеет.

Во избежание таких случаев, на наш взгляд, процесс добровольного возмещения вреда необходимо осуществлять под контролем со стороны субъекта, ведущего производство по уголовному делу. Инициатива и активная деятельность обвиняемого (подозреваемого) либо его родственников или иных лиц, согласие потерпевшего на принятие возмещения проявляют частный характер данной формы возмещения вреда, при этом следователь (дознатель) должен обеспечить как ликвидацию негативных последствий преступления, так и соблюдение прав и законных интересов ее участников. Следует подчеркнуть, его роль продолжает оставаться главенствующей, поскольку добровольное возмещение причиненного преступлением вреда происходит в связи с уголовным делом и в рамках уголовного судопроизводства. Представляется, следователь (дознатель) при предъявлении обвинения (или разъяснении прав подозреваемому) должен разъяснить обвиняемому (подозреваемому) о возможности добровольного возмещения причиненного вреда и последствиях таких действий.

В случае намерения обвиняемого (подозреваемого), его родственников или иных лиц добровольно возместить причиненный вред следователь обязан организовать фактическое восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего. С этой целью необходимо провести комплекс действий, начав с допроса обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего на предмет добровольного возмещения вреда. В ходе допроса следует установить добровольность волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) на возмещение вреда, согласие потерпевшего на возмещение, каким способом будет осуществляться возмещение (в денежной форме, передачей имущества и т. д.), в каком размере, в какой срок, какие документы будут составлены. Процедура добровольного возмещения вреда также должна проходить под контролем следователя (дознателя). Оформляться это действие может протоколом добровольного возмещения причиненного вреда, составляемым с участием потерпевшего (его представителя) и обвиняемого по правилам ст. 166 УПК РФ, а также распиской потерпевшего о получении соответствующей компенсации.

Предложенный порядок действий, несомненно, позволит обеспечить решение ряда задач, стоящих перед следователем (дознателем),

в частности, по восстановлению нарушенных преступлением прав потерпевшего, установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания, формированию внутреннего убеждения относительно личности обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего и др. Однако отсутствие в уголовно-процессуальном законе регламентации этой процедуры передает ее реализацию «на откуп» практике, что повлияет на эффективность реализации добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением.

УДК 343.98

Е.В. Кузнецов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УКЛОНЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ОТ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежегодно в Российской Федерации за органами предварительного расследования числятся в розыске более 60 тыс. подозреваемых и обвиняемых (в 2018 г. – 65 480, в 2019 г. – 64 032, в 2020 г. – 60 348) [1]. Несмотря на просматриваемую тенденцию к снижению общего числа разыскиваемых лиц указанной категории, нагрузка на подразделения правоохранительных органов, задействованных в их розыске, остается высокой.

Вместо того чтобы сконцентрироваться на качественном раскрытии вновь выявляемых преступлений, следователи и дознаватели, предпринимающие розыскные меры, а также сотрудники оперативных подразделений, несущие, как правило, основную нагрузку в рассматриваемой сфере, например, в 2020 г. в России органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, осуществлялся розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, в отношении 84 706 граждан [1], вынуждены тратить значительные временные, материальные и иные ресурсы на выполнение розыска уже установленных «преступников». При этом следует учитывать, что уклонение вышеуказанных категорий граждан от следствия и дознания создает условия для затягивания сроков расследования уголовного дела и наступления целого ряда иных негативных последствий, например, совершение лицами, находящимися в розыске, новых преступлений или уничтожение ими доказательств.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости принятия российскими правоохранительными органами дополнительных мер по

предупреждению фактов уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов дознания и предварительного следствия.

Предупредительные меры в рассматриваемой сфере общественных отношений могут осуществляться в различных формах деятельности правоохранительных органов. К основным, наиболее общим из них, следует отнести: совершенствование правового регулирования розыскной деятельности; принятие организационно-управленческих мер, направленных на улучшение качества розыскной работы по таким линиям, как информационное обеспечение, планирование, взаимодействие, контроль и др.; использование наиболее эффективных, с точки зрения криминалистических и оперативно-розыскных методик, тактических приемов.

Рассматривая перечисленные формы, следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что без должной правовой основы меры, принимаемые в целях предупреждения уклонения от органов дознания и предварительного следствия привлекаемых к уголовной ответственности лиц, могут носить не обязательный для субъектов розыскных правоотношений характер, а в отдельных случаях выводить их за рамки легитимного правового поля. В этой связи акцентируем внимание на вопросе правового регулирования мер предупреждения уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования в Российской Федерации.

С точки зрения теории розыска, под предупреждением уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования следует понимать проводимый правоохранительными органами комплекс профилактических мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих сокрытию лиц (подозреваемых или обвиняемых) от органов дознания и предварительного следствия, а также обнаружение таких лиц и применение к ним мер индивидуального воздействия, в целях склонения их к отказу от совершения одноименных действий [2, с. 10].

Анализируя российское уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, следует обратить внимание на тот факт, что в нем фактически нет норм, которые в императивной форме обязывали бы следователей и дознавателей предпринимать предупредительные меры, направленные на недопущение возможности скрыться подозреваемым или обвиняемым, проходящим по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Исключением являются лишь положения гл. 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], регламентирующие право дознавателя, следователя, а также суд избирать обвиняемому, подозреваемому одну из мер уголовно-процессуального пресечения, при нали-